

страны обязаны ходить с ними на войну по первому востребованию, потом давать десятину от всего, от людей и от вещей, берут они десятого отрока и девицу, которых отводят в свои кочевья и держат в рабстве, остальных жителей перечисляют для сбора подати. Требуют также, чтоб князья подчиненных стран являлись без замедления в Орду и привозили богатые подарки хану, его женам, тысячникам, сотникам — одним словом, всем, имеющим какое-нибудь значение; некоторые из этих князей лишаются жизни в Орде; некоторые возвращаются, но оставляют в заложниках сыновей или братьев и принимают в свои земли баскаков, которым как сами князья, так и все жители обязаны повиноваться, в противном случае по донесению баскаков является толпа татар, которая истребляет ослушников, опустошает их город или страну; не только сам хан или наместник его, но всякий татарин, если случится ему приехать в подчиненную страну, ведет себя в ней как господин, требует все чего только захочет, и получает. Во время пребывания в Орде у великого хана Платано-Карпини заметил необыкновенную терпимость последнего относительно чуждых вероисповеданий; терпимость эта была предпри-

сана законом: в самом семействе хана были христиане; на собственном иждивении содержал он христианских духовных греческого исповедания, которые открыто отправляли свое богослужение в церкви, помещавшейся перед большою его палаткою. Другой западный путешественник, минорит Рубруквис, сам был свидетелем, как перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторианские духовные, потом муллы магометанские, наконец языческие жрецы. Рубруквис описывает также любопытный спор, происходивший по ханскому приказанию между проповедниками трех религий — христианской, магометанской и языческой. Рубруквис, защищавший христианство против языческого жреца, позван был после того к хану, который сказал ему: «Мы, татары, веруем во единого бога, которым живем и умираем; но как руке бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению: вам дал писание, и вы его не соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они нам говорят, и живем в мире». По уставу Чингисхана и Октая, подтвержденному впоследствии, служители всех религий были освобождены от платежа дани.

Из главы третьей

Ярослав Всеволодович. Деятельность Александра Ярославича Невского

Узнавши о гибели великого князя, старший по нем брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир; он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их...

Татары оставляли в покое только те народы, которые признавали над собою власть их; противиться им не было средств у владимирского князя: мы видели, какой ужас напал на жителей при вести о вторичном появлении татар в русских пределах; надобно было покориться, надобно было изъявить эту покорность лично перед ханом, — и Ярослав отправился в Орду к Батю, который раскинул стан свой на берегу Волги; Батый, по словам летописца, принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе». Вслед за Ярославом отправились к Батю и все родичи его, а сын великокняжеский, Константин, поехал дальше, к великому хану; но присутствием сына не удовольствовались: в 1245 г. Константин возвратился в Русь, и отец его Ярослав должен был сам отправиться в Татарию, где в августе 1246 года был свидетелем воцарения Кююка, сына Угедеева. Известный уже нам путешественник, монах Платано-

Карпини встретился с Ярославом в Орде; невелика была, по его словам, честь, которою пользовался здесь старший князь русский; но все же честь эта была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее место перед всеми другими владельцами. Тот же путешественник оставил нам некоторые подробности и о смерти великого князя, последовавшей в 1246 году; Ярослава позвали к матери великого хана, которая, как бы желая оказать честь русскому князю, дала ему есть и пить из собственных рук; но, возвратившись от ханши, Ярослав заболел и через семь дней умер, причем тело его удивительным образом посинело, почему все и думали, что ханша отравила его, дабы татары могли свободнее владеть Русью; доказательством служит еще и то, прибавляет Платано-Карпини, что ханша поспешила отправить посла в Россию к сыну Ярославову Александру с обещанием дать ему отцовское наследство, если придет к ней; но Александр не поехал. Догадка Платано-Карпини о причине отравления Ярослава невероятна, ибо смерть одного Ярослава не переменяла дел на севере, следовательно, не могла быть полезна для татар, которым надобно было истребить всех князей,

для того чтоб свободно владеть Россиею. Известия наших летописей проливают новый, хотя не ясный свет на событие: по этим известиям виною смерти Ярославовой была крамола его соотечественников, именно какого-то Федора Яруновича, который оклеветал великого князя; но трудно предположить, чтоб Ярунович действовал здесь лично от себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава в Орде была явлением, одинаким со смертию других князей русских там же, была следствием наговора родичей, следствием родовых княжеских усобиц.

В то время как на востоке русские князья принуждены были ездить с поклоном к ханам степных варваров, на западе шла борьба с сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде татар. Тотчас по занятии старшего стола, в 1239 году, Ярослав должен был выступить против Литвы, которая воевала уже в окрестностях Смоленска; великий князь победил литовцев, взял в плен их князя, потом урядил смольнян, посадивши у них князем Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой с большою добычею и честью. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; с двух других сторон нападают на Северо-Западную Русь враги не менее опасные: шведы и ливонские рыцари. Владимирским князьям нельзя было оборонять ее постоянно от всех этих врагов: у них было много дела у себя, на востоке, вследствие утверждения нового порядка вещей, беспрестанных усобиц для усиления одного княжества на счет всех других, и татарских отношений. Тогда Новгород Великий должен был взять на свою долю борьбу со шведами, а Псков, бедный средствами Псков, должен был вести борьбу с двумя самыми опасными врагами — Литвою и немцами, при внутреннем неустройстве, при частом отсутствии князя, при ссорах с старшим братом своим Новгородом Великим.

Самым сильным ударам с трех сторон Новгород и Псков подверглись с 1240 года; они выдержали их и этим преимущественно обязаны были сыну великого князя Ярослава, Александру, который стал княжить у них один после отца с 1236 года. В Швеции борьба между готским и шведским владетельными домами, кончившаяся в 1222 году, усилила власть вельмож, между которыми первое место занимал род Фолькунгов, владевший наследственно достоинством *яра*. Могущественный представитель этой фамилии, Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси. Как скоро пришла в Новгород весть, что шведы явились в устье Ижоры и хотят идти на Ладогу, то Александр не стал дожидаться ни полков отцовских, ни пока себе-

рутся все силы Новгородской волости, с небольшою дружиною выступил против неприятеля и 15 июля нанес ему поражение, за которое получил славное прозвание Невского. Сам Александр рассказывал после о подвигах шестерых мужей из дружины своей: один из них, Гаврило Олексич, прорвался вслед за бегущим Биргером до самого корабля его, был низвергнут и с конем в воду, но вышел невредим и опять поехал биться с воеводою шведским, который называется в летописи Спиридоном; этот воевода остался на месте, а по некоторым известиям, та же участь постигла и епископа. Другой новгородец, Сбыслав Якунович, удивил также всех своею силою и храбростию, не раз врываясь с одним топором в толпы неприятельские. Якуновичу в храбрости не уступал княжеский ловчий Яков Полочанин, с мечом в руках ворвавшийся в шведские ряды. Четвертый новгородец, Миша, пешком с отрядом своим ударил на неприятельские корабли и погубил три из них; пятый, отрок княжеский Савва, пробился до большого златоверхого шатра Биргера и подсек у него столп, шатер повалился, и падение его сильно обрадовало новгородцев в битве; шестой, слуга княжеский Ратмир, бился пеш, был окружен со всех сторон врагами и пал от множества ран; всех убитых со стороны новгородской было не более 20 человек.

Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих; но недолго могли ужиться с ним как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским: в самый год Невской победы он выехал из Новгорода, рассорившись с жителями. А между тем немцы опять с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск; псковичи вышли к ним навстречу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича, а немцы по следам бегущих подступили ко Пскову, пожгли посады, окрестные села и целую неделю стояли под городом. Псковичи принуждены были исполнить все их требования и дали детей своих в заложники: в Пскове начал владеть вместе с немцами какой-то Твердило Иванович, который и подвел врагов, как утверждает летописец; мы уже видели во вражде сторон причину таких измен. Приверженцы противной стороны бежали в Новгород, который остался без князя, а между тем немцы не довольствовались Псковом: вместе с чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей и, намереваясь стать твердою ногою в Новгородской волости, построили крепость в Копорье погосте; по берегам Луги побрали всех лошадей и скот; по селам нельзя было земли пахать, да и нечем; по дорогам в тридцати верстах от Новгорода неприятель бил купцов. Тогда новгородцы послали в низовую землю к Ярославу за князем,

и тот дал им другого сына своего, Андрея; но надобен был Александр, а не Андрей: новгородцы подумали и отправили опять владыку с боярами за Александром; Ярослав дал им его опять, на каких условиях, неизвестно, но, вероятно, не на всей воле новгородской: мы увидим после самовластие Александра в Новгороде; жалобы граждан на это самовластие остались в договорах их с братом Александровым.

Приехавши в Новгород в 1241 году, Александр немедленно пошел на немцев к Копорью, взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, часть его отпустил на волю, только изменников вожан и чудь перевешал. Но нельзя было так скоро освободить Псков; только в следующем 1242 году, съездивши в Орду, Александр выступил ко Пскову и взял его, причем погибло семьдесят рыцарей со множеством простых ратников, шесть рыцарей взяты в плен и замучены, как говорит немецкий летописец. После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владения Ордена; войско последнего встретило один из русских отрядов и разбило его наголову; когда беглецы принесли Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на льду его, который был еще крепок 5 апреля. На солнечном восходе началась знаменитая битва, слышущая в наших летописях под именем *Ледового побоища*. Немцы и чудь пробились *свиньею* (острою колонною) сквозь русские полки и погнали уже бегущих, как Александр обогнал врагов с тыла и решил дело в свою пользу; была злая сеча, говорит летописец, льда на озере стало не видно, все покрылось кровию; русские гнали немцев по льду до берега на расстоянии семи верст, убили у них 500 человек, а чудь бесчисленное множество, взяли в плен 50 рыцарей. «Немцы,— говорит летописец,— хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь их самих бог предал ему в руки». Когда Александр возвращался во Псков после победы, то пленных рыцарей вели пешком подле коней их; весь Псков вышел навстречу к своему избавителю, игумены и священники со крестами. «О псковичи! — говорит автор повести о великом князе Александре,— если забудете это и отступите от рода великого князя Александра Ярославича, то похожи будете на жидов, которых господь напитал в пустыне, а они забыли все благодеяния его; если кто из самых дальних Александровых потомков придет в печали жить к вам во Псков и не примет его, не почтите, то назоветесь вторые жида». После этого славного похода Александр должен был ехать во Владимир прощаться с отцом, отправлявшимся в Орду; в его отсутствие немцы прислали с поклоном в Новгород, послы их говорили: «Что зашли мы мечом,

Воть, Лугу, Псков, Летголу, от того от всего отступаемся; сколько взяли людей ваших в плен, теми разменяем: мы ваших пустим, а вы наших пустите»; отпустили также заложников псковских и помирились.

Но оставалась еще Литва: в 1245 году толпы литовцев явились около Торжка и Бежецка; в Торжке в это время сидел возвратившийся, вероятно после мира, из Ливонии князь Ярослав Владимирович; он погнался было с новоторжцами за литвою, но потерпел поражение, потерял всех лошадей, потом новоторжцы и Ярослав погнались опять вместе с тверичами и дмитровцами; на этот раз литовцы были разбиты под Торощом, и князя их вбежали в город. Но утром на другой день приспел Александр с новгородцами, взял Торопец, отнял у литовцев весь плен и перебил князей их, большею частью человек. Новгородские полки возвратились от Торопца; но Александр с одним двором своим погнался опять за литовцами, разбил их снова у озера Жизца, не оставил в живых ни одного человека, побил и остаток князей. После этого он отправился в Витебск, откуда, взявши сына, возвращался назад, как вдруг наткнулся опять на толпу литовцев подле Усвята; Александр ударил на неприятелей и снова разбил их.

Так были отбиты со славою все три врага Северо-Западной Руси; Александр не мог долго оставаться здесь, ибо дела на востоке переменились со смертию отца его. После Ярослава старшинство и стол владимирский наследовал по старине брат его Святослав, который утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на *уделах*, данных им покойным великим князем. Еще в 1242 г. Невский ездил в Орду, потому что Батый прислал сказать ему: «Мне покорил бог многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мне и увидишь честь и славу царства моего». Летописец говорит, что хан, увидавши Александра, сказал своим вельможам: «Все, что мне ни говорили об нем, все правда: нет подобного этому князю». По смерти отца Александр отправился к Батыю вместе с братом Андреем; с берегов Волги поехали они, по обычаю, в Татарию; а между тем в отсутствие старших Ярославичей в Руси произошла важная перемена: один из младших братьев их, Михаил, по прозванию Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава великое княжение и сам заступил его место. Это явление очень важно, потому что здесь мы видим совершенный произвол, полное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного: Михаил не был даже и старшим сыном от старшего брата. Михаил скоро погиб в битве с ли-

товцами, еще до возвращения старших братьев из Орды, где Александр был утвержден на столе киевском и новгородском, удерживая также на северо-востоке как отчину Переяславль Залесский. Андрей же получил великое княжение владимирское.

Но раздел между Ярославичами не был мирен; есть известие, что Александр с Андреем имели в Орде большой спор, кому быть во Владимире, кому — в Киеве, и хан отдал Киев Александру, а Владимир — Андрею, основываясь на завещании покойного великого князя Ярослава. Что же могло заставить Ярослава завещать старшему Александру Киев, а младшему Андрею — Владимир? Быть может, особенная любовь к Андрею, который оставался всегда при нем; быть может, также, что Ярослав, желая удерживать и Южную Русь в своем роде, отдал Киев Александру, как более способному держать его...

Но Александр, как старший, не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом относительно старшинства, давно уже киевские князья не могли быть без владимирских; теперь особенно, когда Южная Русь была опустошена, когда Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестно. Вот почему Невский мог считать себя вправе сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих (1249 г.). Как бы то ни было, Андрей два года спокойно сидел во Владимире; Александр, по некоторым известиям, хотел идти в Киев, но был удержан новгородцами, представившими ему опасность от татар на юге. В 1250 году Андрей вступил в тесную связь с Даниилом галицким, женившись на его дочери; а в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: «Что это, господи! покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им». Собравши войско, он вышел против Неврюя, но был разбит и бежал в Новгород, не был там принят и удалился в Швецию, где был принят с честью. Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, попленили жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир; Андрей также возвратился на Русь и помирился с братом, который помирил его с ханом и дал в удел Суздаль.

Но скоро началась у Александра вражда с

другим братом, Ярославом, княжившим в Твери. Вследствие появления на севере отдельных отчин, уделов между князьями необходимо обнаруживается стремление усиливать эти уделы на счет других; уже в Ярославе Всеволодовиче ясно обнаружилось это стремление: недовольный своим Переяславским уделом, он старался утвердиться в Новгороде, даже в Киеве; сын его Ярослав тверской шел по следам отцовским. В 1254 году он отправился княжить во Псков (а по другим известиям, в Ладогу), где приняли его с большою честью; но Псков находился в тесной связи с Новгородом, а в Новгороде не все были довольны великим князем Александром, вместо которого княжил теперь здесь сын его Василий, и вот в 1255 году новгородцы выгнали Василия и перевели к себе из Пскова Ярослава тверского. Но Василий не думал уступать дяде без борьбы и, засевши, по обычаю, в Торжке, дожидался отца своего с полками, и ждал недолго; Александр явился с двоюродным братом своим Димитрием Святославичем и, присоединив к себе сына с новоторжцами, выступил против Новгорода; на дороге встретил его какой-то Ратишка с переветом. «Ступай, князь! — говорил он, — брат твой Ярослав убежал». Несмотря, однако, на бегство князя, новгородцы не хотели безусловно покориться Александру и выстроили два полка, конный и пеший, причем в первый раз высказались две сословные партии: меньшие люди, собравши вече у св. Николы, сказали: «Братья! а что как князь скажет: выдайте мне врагов моих!» В ответ все меньшие целовали образ богородицы стать всем заодно — либо живот, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчизну. Но лучшие люди думали иначе: им хотелось побить меньших и ввести князя на своей воле, и Михалко, сын последнего посадника, внук Твердиславов, предводитель стороны лучших людей, уже побегал из города к св. Георгию (к Юрьеву монастырю), чтоб оттуда со своим полком ударить на меньших. Посадником в это время на место Твердиславова сына Степана (умершего в 1243 году) был Анания, который, желая добра Михалку, послал за ним тайно; но весть о замысле Михалковом уже разнеслась между черными людьми, и они погнались грабить его двор, но были удержаны посадником. «Братья, — говорил им Анания, — если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!» Он не знал, что лучшие люди уже порешили схватить его самого и посадничество отдать Михалку. Между тем посол Александров явился на вече и объявил народу волю княжескую: «Выдайте мне Ананию-посадника, а не выдадите, то я вам не князь, еду на город ратью». Новгородцы отправили к нему с ответом владыку и тысяцкого: «Ступай, князь, на свой

стол, а злодеев не слушай, на Ананию и всех мужей новгородских перестань сердиться». Но князь не послушал просьб владыки и тысяцкого; тогда новгородцы сказали: «Если, братья, князь согласился с нашими изменниками, то бог им судья и св. София, а князь без греха», — и стоял весь полк три дня за свою правду, а на четвертый день Александр прислал объявить новое условие: «Если Анания не будет посадником, то помирюсь с вами». Это требование было исполнено: Анания свергнут, его место занял Михалко Степанович, и Василий Александрович опять стал княжить в Новгороде.

Через год (1257 г.) злая весть, что татары хотят наложить тамги и десятины на Новгород, опять смутила его жителей. Первая перепись татарская для сбора дани должна была происходить еще в начале княжения Ярослава; Плато-Карпини говорит, что во время пребывания его в России ханы — Куюк и Батый — прислали сюда баскаком одного сарацина, который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватил всех неженатых мужчин и женщин, не имевших законных мужей, также всех нищих, остальных же перечислил, по обычаю татарскому, и обложил данью: каждый человек мужского пола, какого бы возраста и состояния ни был, обязан был платить по меху медвежьему, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не мог заплатить, того отводили в рабство. В 1255 году умер Батый, ему наследовал сын его Сартак, или Сертак, скоро умерший, и Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге, или Берке. По воцарении этого нового хана, в 1257 году, по русским известиям, происходила вторая перепись: приехали численники, сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятников, сотников, тысячников и темников, не считали только игуменов, чернецов, священников и клирошан. Подобная же перепись происходила одновременно во всех странах, подвластных татарам, и везде служители всех религий, исключая еврейских раввинов, были освобождены от подати. В Новгороде после вести о переписи все лето продолжалось смятение; а зимою убили посадника Михалка; «если бы кто добро друг другу делал, — прибавляет летописец, — то добро бы и было, а кто копает под другим яму, тот сам в нее попадает». Вслед за этим приехал в Новгород великий князь с татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; новгородцы не согласились, дали дары для хана и отпустили послов с миром; сам Василий, сын Невского, был против дани, следовательно, против воли отцовской, и выехал во Псков, как только отец приехал в Новгород; Александр выгнал его оттуда и отправил в Суздальскую область, а советников

его наказал жестоко. Волнения не прекращались в Новгороде: тою ж зимою убили Мишу, быть может того самого, который так славно бился со шведами при Неве; посадничество дано было Михаилу Федоровичу, выведенному из Ладоги. Целый следующий год, однако, прошел без слухов о требованиях татарских; но в 1259 г. приехал с Низу (из Суздальской области) Михаила Пинецинич с ложным посольством. «Если не согласитесь на перепись, — говорил он новгородцам — то уже полки татарские в Низовой земле». Новгородцы испугались и согласились; но когда зимою приехал Александр и с ним *окаянные татары-сыроядцы* с женами, то опять встал сильный мятеж; татары испугались и начали говорить Александру: «Дай нам сторожей, а то убьют нас», и князь велел их стеречь по ночам сыну посадничью со всеми детьми боярскими. Татарам наскучило дожидаться. «*Дайте нам число*, или побежим прочь», — говорили они. Но в Новгороде и в этом случае, как в предыдущем, высказались две враждебные сословные партии: одни граждане никак не хотели дать числа. «Умрем честью за св. Софию и за дома ангельские», — говорили они; но другие требовали согласия на перепись и наконец осилили, когда Александр с татарами съехали уже с Городища. И начали ездить окаянные татары по уездам, переписывая думы христианские. Взявши число, татары уехали; вслед за ними отправился и князь Александр, оставивший в Новгороде сына Димитрия.

В Новгороде стало тихо; но поднялись волнения на востоке, в земле Ростовской; здесь в 1262 году народ был выведен из терпения насильями татарских откупщиков дани; поднялись веча и выгнали откупщиков из Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля; в последнем городе убит был в это время отступник Изосим, который принял магометанство в угоду татарскому баскаку и хуже иноплеменников угнетал своих прежних сограждан. Понятно, что в Орде не могли спокойно снести этого события, и полки татарские уже посланы были пленить христиан: тогда Александр, чтобы отмолить людей от беды, отправился в четвертый раз в Орду; как видно, он успел в своем деле благодаря, быть может, персидской войне, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже последним делом Александра: больной поехал он из Орды, проведши там всю зиму, и на дороге, в Городце Волжском, умер 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение отдавая живот свой и за правоверную веру». Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменательные подвиги за веру и землю на западе доставили Але-

ксандру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории — от Мономаха до Донского. Знаком этой памяти и славы служит особое сказание о подвигах Александровых, дошедшее до

нас вместе с летописями, написанное современником и, как видно, человеком, близким к князю. Великий князь Александр Ярославич, говорит автор сказания, побеждал везде, а сам не был нигде побежден...

Из главы пятой

Иван Данилович Калита княжит в Москве.

...Дмитрию наследовал брат его Александр Михайлович с ярлыком и на великое княжение, Юрию также брат — Иоанн Данилович Калита, остальные братья которого — Александр, Афанасий, Борис — умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, следовательно, княжил один в Московской волости; как видно, он управлял Москвою гораздо прежде смерти Юрия, когда последний находился то в Орде, то в Новгороде; иначе он не имел бы времени сблизиться с митрополитом Петром, ибо Юрий убит в 1325 году, а митрополит Петр умер в 1326. Еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал на жительство во Владимир. Последний город был столицей великих, или сильнейших, князей только по имени, ибо каждый из них жил в своем наследственном городе; однако пребывание митрополита во Владимире при тогдашнем значении и деятельности духовенства сообщало этому городу вид столицы более, чем предание и обычай. После этого ясно, как важно было для какого-нибудь города, стремившегося к первенству, чтоб митрополит утвердил в нем свое пребывание; это необходимо давало ему вид столицы всея Руси, ибо единство последней поддерживалось в это время единым митрополитом, мало того, способствовало его возрастанию и обогащению, ибо в него со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого имел пребывание. Калита умел приобрести расположение митрополита Петра, так что этот святитель жила в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней. Гроб святого мужа был для Москвы так же драгоценен, как и пребывание живого святителя: выбор Петра казался внушением Божиим, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева. Петр, увещевая Калиту построить в Москве каменную церковь Богоматери, говорил: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сы-

новья и внуки твои и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Другие князья хорошо видели важные последствия этого явления и сердились; но помочь было уже нельзя.

Но в то время, как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, Александр тверской необдуманным поступком погубил себя и все княжество свое. В 1327 году приехал в Тверь ханский посол, именем Шевкал (Чолхан), или Щелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Вдруг в народе разнесся слух, что Шевкал хочет сам княжить в Твери, своих князей татарских посажать по другим русским городам, а христиан привести в татарскую веру. Трудно допустить, чтоб этот слух был основателен: татары изначала отличались веротерпимостью и по принятии магометанства не были ревнителями новой религии. Узбек, по приказу которого должен был действовать Шевкал, покровительствовал христианам в Кафе, позволил католическому монаху Ионе Валенсу обращать в христианство ясов и другие народы по берегу Черного моря; он же, как мы видели, выдал сестру свою за Юрия московского и позволил ей креститься. Еще страшнее был слух, что Шевкал хочет сам сесть на великом княжении в Твери, а другие города раздать своим татарам. Когда пронеслась молва, что татары хотят исполнить свой замысел в Успенев день, пользуясь большим стечением народа по случаю праздника, то Александр с тверичами захотели предупредить их намерение и рано утром, на солнечном восходе, вступили в бой с татарами, бились целый день и к вечеру одолели. Шевкал бросился в старый дом князя Михаила, но Александр велел зажечь отцовский двор, и татары погибли в пламени; кушцы старые, ордынские, и новые, пришедшие с Шевкалом, были истреблены, не смотря на то что не вступали в бой с русскими: одних из них перебили, других перетопили, иных сожгли на кострах.